

УДК 008
ББК 71.0

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Т. С. Злотникова
Ярославль, Россия

О ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ МАССОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Статья подготовлена в рамках научного проекта
Национального исследовательского центра «Мир русской провинции»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, № 125, 24.05.2017)

Аннотация: Отечественная философская и тесно примыкающая к ней художественная традиция создали парадокс: провинциальность русского самосознания. Это объяснимо, если исходить из представления Н. Бердяева о том, что «провинциализм есть другая метафизика жизни». Пространство русской культуры выступает как ареал распространения провинциальной культуры, не совпадающий с географическими, административными границами, а также с границами компактного расселения русских. Отсюда формируется концепт, названный нами «хронотоп русской провинции». Провинциальность русского самосознания имплицитно трактовалась в философской традиции как свойство, заслуживающее снисхождения. В. Соловьев приветствовал «слабость национального эгоизма» как задаток великого будущего, однако В. Розанов резко реагировал на то «дикое и ни в одной земле небывалое», неиспользование собственного потенциала и заискивание перед чужими, далеко не лучшими образцами. Русская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. противопоставляла «азиатское» начало «европейскому» (А. Чехов) и требовала соблюдения чувства «национальной гордости» (С. Франк). С традиционными философскими представлениями коррелируют более поздние психологические: о провинциале как маргинале, интроверте, меланхолике либо холерике. Для характеристики современного творца и медиапространства как субъекта массовых представлений важно отметить: это пространство негетерогенно, хаотично, тенденции стандартизации охватывают прежде всего личностные аспекты деятельности субъектов, а в результате — массовое сознание.

Ключевые слова: русское самосознание, провинция, провинциальность, философская традиция, актуальные представления, русская культура, творческая личность, маргинальность, медиапространство.

Информация об авторе: Татьяна Семеновна Злотникова — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, д. 108/1, 150000 г. Ярославль, Россия. E-mail: cij_yar@mail.ru

Дата получения статьи: 27.01.2019

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Злотникова Т. С. О провинциальности русского самосознания: философская традиция и актуальные массовые представления // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 114–126.

Отечественная философская и тесно примыкающая к ней художественная традиция создали парадокс: провинциальность русского самосознания. Этому парадоксу в его имманентной специфике и интеллектуальной динамике и посвящена данная статья.

Очень по-современному съязвил знаменитый в свое время драматург и публицист В. Соллогуб: «За Петербургом есть довольно обширное пространство земли, именуемое Россией. Это пространство разделяется на значительное количество губерний; в каждой губернии находится по одному губернскому городу <...>. Некоторые петербургские жители, исключительно ограничивающие свою жизненную деятельность одним Петербургом, не знают, может быть, этих подробностей <...>» [4, с. 154].

Культурное значение центра и провинции (периферии) в социально-исторических представлениях, особенно в начале XX в., все более настойчиво отделяется от значения геополитического. Позднее, к концу этого века, исследования прежде всего философов и культурологов (отметим — не историков и не социологов) показали: при централизации власти ускоряются процессы дифференциации провинции и центра, что приводит к консервации провинциального «комплекса».

Хронотоп русской провинции и провинциальность в философской традиции и актуальных представлениях

Русская провинция как детерминанта национального самосознания в его философском осмыслении — это прежде всего *исторически сложившийся культурный феномен*. Полагаем, что *специфичная, обсуждаемая нами провинциальность национального самосознания своими корнями уходит в сформулированную Н. Бердяевым закономерность*: «В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени <...>». Главное же, что отметил Бердяев: «С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактом русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это — география русской души» [1, с. 67]. Вечно пренебрегая окружающим и стремясь к недостижимому, нервный русский интеллигент-провинциал живет в духовном просторе, вызывающем откровенную зависть (зависть-непонимание, зависть-восхищение) у людей мировой культуры. При этом, вырываясь из провинции, будь то любой уездный или губернский, областной или районный центр, Москва или Россия, он всюду создает собственную «провинцию», вплоть до ресторанов, пансионатов, кладбищ, и превращает весь мир в свою провинцию — среду одухотворенного обитания.

Пространство русской культуры выступает как ареал распространения данной культуры, не совпадающий с географическими, административными границами, а также с границами компактного расселения русских. В то же время важно установить не сами по себе пространственные характеристики, но *хронотоп русской провинции*. Последняя предстает как явление специфическое, мало зависимое от географических координат, имеющее корни в душе человеческой не менее чем в истории. Это и *пространство*, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и *вре-*

мя, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько на преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и *настроение*, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди полуоблупившихся простеньких или претенциозных домов. Хронотоп русской провинции определяется и таким понятием, как «азиатчина». Так, внутренняя «азиатчина» как духовная провинциальность виделась русским интеллигентам в жестоком самонеуважении. И если В. Соловьев все же приветствовал «слабость национального эгоизма» как задаток великого будущего [3, с. 304], то В. Розанов куда более резко реагировал на то «дикое и ни в одной земле небывалое», что основано на убогом неиспользовании собственного потенциала и заискивании перед чужими, далеко не лучшими образцами. Этого провинциализма, считал В. Розанов, нет «ни у негров, ни у турок, ни у китайцев» [2, с. 339]. «Зулусы», «тунгусцы» были привычным для А. Чехова обращением к родственникам и друзьям — провинциалам. Русская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. относилась к России как к Востоку, производя «излюбленное противопоставление “азиатского” начала «европейскому» как «низшего высшему» и требуя найти сочетание «европеизма», резкого отталкивания от культурной отсталости России с «напряженным чувством к родине и национальной гордости» (С. Франк) [5, с. 453, 454, 459].

Н. Бердяев в своих сочинениях о русском самосознании оспаривал идеализацию русских просторов и видел «русскую душу» словно бы распластанной по провинциальному, непомерному пространству, подавленной необъятностью полей и снегов, в итоге — ушибленной ширью. Сформулированное философом провинциальное мировидение приобрело особую остроту при взгляде на Россию с «других берегов», независимо от того, кто был тоскующий о России как о родной провинции человек — писатель или философ, русский, как В. Набоков, или иностранец, как Ф. Кафка. Боясь русской провинциальной почвы, в которой пропадает все посеянное, Ф. Кафка в новелле «Дорога на Кальду» рисовал характерную картину поникшей травы и пустынной растрепанной степи. У иностранного писателя в новеллистике и дневниках до гротеска доведено ощущение русского простора, своей губительностью загоняющего провинциала в станционную каморку, где в собственном кашле человек слышит волчий вой.

В то же время для многих людей из провинции Россия является не просто местом их рождения или проживания. Это специфическая система координат, в которой они существуют на протяжении всей жизни, независимо от пребывания в иных географических пунктах.

Пространственные характеристики провинции простираются не только в горизонтальном, но и в вертикальном измерении. Традиционно считалось, что «опуститься» в провинцию означало умереть, но одновременно прикоснуться к нарождающемуся новому; провинция аналогична смерти, чреватой рождением. Прибытие из центра на периферию, прежде всего в художественной провинциологии, выглядит как спуск, погружение; по наблюдениям исследователей, для изображения Москвы и отдаленных местностей характерно панорамное видение сверху. В. Белинский сравнивал петербуржца в Москве с великаном. Провинция же по отношению к Москве расположена в сознании ее жителей внизу, в силу чего в XX в. появляется такой публицистический штамп, как «глубинка».

Особое значение имеет временной аспект хронотопа провинции, которая (и это относится уже ко всей России), по П. Чаадаеву, стояла словно бы вне времени, не затронутая «всемирным воспитанием человеческого рода». Действительно, вне време-

ни а priori пребывает провинция как среда инерционных проявлений самосознания, в то время как в столице царит инновационность, впрочем, реальная она или мнимая — это предмет отдельного обсуждения.

Полагаем, что для русской культуры, в том числе еще недавно пребывавшей в состоянии болезненного переживания рубежа веков (XIX и XX, XX и XXI), мало приемлем традиционный для мировой культуры принцип соотношения провинции со всем остальным миром. Европейская культура XX в. развивалась, исходя из представления: неважно, где, важно, как и кто (в провинции XX в. проводились фестивали: театральные — в Авиньоне, кинематографические — в Канне, музыкальные — в Зальцбурге или Кальмаре). Европейцы, а тем более американцы мобильны по определению, к месту не привязаны, эту привязанность (в том числе и в метафорическом смысле) не драматизируют.

Особый модус характеризует взаимоотношения России (как провинции) с Европой (как страным, психологически не всегда объяснимым, но значимым для русского человека пространством и понятием, аналогичным отдаленной и потому прекрасной столице). Эта культурологическая оппозиция присутствует и в обыденном сознании, и в философских трудах, и в художественных произведениях, принадлежащих разным авторам и разным видам искусства.

В этой связи подчеркнем еще раз сказанное выше: своеобразие российского варианта культурной антитезы столицы и провинции заключается в двунаправленности вектора относительно столиц (во множественном их числе). В то же время подчеркивается, что своя провинция есть и в столичных городах: в Москве — Замоскворечье, в Петербурге — Коломна или Выборгская сторона. Различается и «тонус» двух столиц, о чем тоскливо и иронично писали К. Батюшков, считавший, что в Москве, в отличие от столичного Петербурга, отдыхают и дурачатся, или Г. Федотов, противопоставлявший здоровую лень и светлую наивность Москвы напряженности, излому и мучительству Петербурга.

Усадьба в русской провинции, что особенно явственно стало заметно у Чехова, — это метафора провинциального самосознания, значимая для понимания фило-софско-антропологических и социокультурных аспектов русского самосознания.

Усадьба теперь — это не то «гнездо», где жили поколения, и жизнь была налажена по вечным, как Вселенная, законам. Усадьба — это воплощение мечты о том, чтобы «иметь свой угол», причем такой угол — экономически выгоднее, чем квартира в городе. Так, Чехова «кроме поэтических соображений насчет весны, волнуют еще и хозяйственные <...>» [6, т. 3, с. 164]. Писатель не прихоть удовлетворяет, не поэтическую ауру — наконец-то! — создает себе в провинции, а всего-навсего поступает по велению здравого смысла. «В деревне жить дешевле, чем в городе», — понял он; можно даже конкретно вычислить, что, несмотря на уплату процентов и повинностей, «это обходится вдвое дешевле, чем в квартире в Москве» [6, т. 5, с. 122].

Казалось бы, поэтичность русской усадьбы воспринималась Чеховым в полной мере. Она была так хороша для обитания особых существ (в свое время — Чехов, позднее, по памяти, — Бунин идеально совпали в восприятии таких существ). Это, во-первых, девушки и женщины (Бунин) или даже только «души красивых женщин» (Чехов). Во-вторых, старые, дышащие на ладан лакеи — рудимент крепостной эпохи, от которой настоящих господ-то и не осталось. В-третьих, — особая деталь атмосферы, птицы: водяной бугай, совы, филин.

Усадьбы эти заброшены, погружая в милую русской душе глушь с признаками запустения и даже распада. Дома запущены настолько, что «из щелей полов выглядывают молодые побеги вишен и слив <...>. Все ветхо, гнило, но зато поэтично <...>» [6, т. 2, с. 290].

Хронотоп русской провинции как культурного феномена отчетливо выявляется в местонахождении одного из главных символов русской культуры — *театра*. В середине XIX в. место театра здесь определилось вполне зримо и явственно и в плане духовном, и в плане пространственном, как и облик его творца. Образ жизни этого «неоседлого провинциала», актера, малосущественно изменился до конца XX в. со времен Негиной и Несчастливцева у А. Островского, хористки Паши и резонера Бабельмандебского у А. Чехова. Особенностью бытия провинциального искусства становится то, что взаимоотношения «талантов» и «поклонников» носят сугубо приватный характер. Театральные реалии, сопоставляемые с условно обозначаемым театром «времен Антоши Чехонте», распространяются во времени и выстраиваются в цепочку доказательств размытости духовного понятия провинции при четкости его географических рамок. Провинциальный театр стоит рядом с острогом и на конце улицы. Все провинциальные города, имеющие театры, «счастливы» одинаково, как тот маленький, еле видимый «городошко», где московские запахи отсутствуют, а в имеющихся двух театрах «бедность таланта соперничает с бедностью балаганной обстановки». В беседах интеллигентных провинциалов театр занимает место то между погодой и холерой, то между шведскими спичками и локомотивами. Духовное пространство провинциального театра располагается между своего рода классной комнатой, публичным домом, рестораном и зверинцем.

Человек в русской провинции: философская традиция, актуальные представления и практики

В отечественной философской традиции провинция в России может пониматься как состояние души человека. В *художественной провинциологии* высказывания типа «провинция — это отчаяние» перемежаются с позитивными, даже умильными суждениями. Это объяснимо, если исходить из представления Н. Бердяева о том, что «провинциализм есть другая метафизика жизни» [1, с. 74]. На бытовом уровне «провинциальное» понимается как патриархально-родовое, часто — матриархальное (в частности, в произведениях И. Тургенева, И. Гончарова, М. Салтыкова-Щедрина), как традиционное, даже архаическое, но обладающее ценностно-нормативными и сакральными характеристиками. Понимание провинции в ее условном значении вводит дополнительно такие характеристики, как замкнутость, ведущая к ограничению духовных интересов и проявлений, но одновременно и широта, включающая в себя микрокосм личности и макрокосм мира, в том числе мировой культуры, в которой — как в родной провинции — вот уже не менее трех столетий пребывает русское начало. Подчас упоминается об относительной «периферийности» русской философской мысли по отношению к мировому историко-философскому процессу. В то же время известен ряд уникальных идей русских философов относительно человеческих перспектив и особенностей развития культуры, что выражено в идее всеединства, господствовавшей в русской философии второй половины XIX — начала XX вв.

Для человека из провинции характерна особая культурная логика становления в духе нового западного человека: в действиях такого человека заметна попытка преодоления внеличного (как столичного) менталитета через осмысление собственной провинциальности, самоидентификация в специфическом качестве.

Русский человек как специфический субъект массового сознания, не будучи мещанином в плане духовном, к месту обычно «приговорен», ностальгирует (по В. Далю, «место», в числе прочего, обозначает ширь, простор, пустоту, а слово «мещанин» не имеет появившихся в советское время негативных коннотаций, обозначая всего-навсего сословную характеристику, горожанин невысокого положения, например, ремесленника). Вопреки стереотипу восприятия жителя провинции, такой человек обладает творческим потенциалом и импульсы своей деятельности черпает либо в неосуществленном стремлении за пределы круга, означенного сферой его происхождения (стремится «в Москву, в Москву»), либо в ностальгии по оставленному родному краю.

Своеобразие *российского варианта антропологического понимания культурной антитезы столицы и провинции* заключается в двунаправленности вектора относительно столиц (во множественном их числе). В то же время подчеркивается, что своя провинция есть и в столичных городах: в Москве — Замоскворечье, в Петербурге — Коломна или Выборгская сторона.

Отсюда следует, что рядом с оппозицией «*столица / провинция*» сложилась и другая оппозиция — «*Петербург / Москва и провинция*». Однако в данной статье мы не будем специально останавливаться на этой особо значимой и заслуживающей специального внимания культурно-антропологической проблеме.

Нравственно-психологический аспект понимания русской провинции опирается на специфику российского менталитета с его гипертрофией житейского начала, высокой степенью субъективности, своего рода страстью к преувеличениям; эти особенности определяют собою политические идеалы, а также местные мифы. В определенной мере для провинциального мышления становится характерна адаптация сложных духовных проблем, тенденция упрощения. *Менталитет русского провинциала* воплощает глубоко противоречивые духовные основы жизни России вообще: страх перед замкнутостью и интуитивную тягу к сохранению «гнезда»; стремление к «другим берегам» («к перемене мест») и страсть к превращению любой чужбины в повторение усадьбы, улицы, дома; достоинство и самоуничижение, размах и мелочность; «чухлому», разросшуюся до масштабов всей России, включая столицы, и высоту духа, традиционно ожидаемую только от столичных жителей. На рубеже XIX–XX вв., когда обострилось восприятие русской провинции именно в данном аспекте, понятие о ней включало в себя особую область идей и настроений, оказавшихся на перекрестке мнений художников и философов.

Особые нравственно-психологические интенции делают географическое пространство провинции подвижным — в личностном, а вовсе не в сугубо пространственном смысле: это всегда то место, где житель сейчас находится, ставшая привычной среда обитания. У А. Чехова это был Таганрог по отношению к Москве, Москва — по отношению к Петербургу, Россия — по отношению к «загранице», Швейцария — по отношению к Италии или Франции, Европа — по отношению к Америке. Отсюда для России традиционна стеснительность, своего рода комплекс «житомирского кузена» (М. Булгаков), когда провинция и провинциал рассматриваются как явление и человек «второго сорта». Но может ли быть второсортным многоверстное пространство и могут ли быть второсортными люди, определяемые так с позиций места жительства? Как известно, романтически настроенный и буржуазно ориентированный европеец мог жить мечтой о столице, как д'Артаньян или Растиньяк. Однако европейские и русские художники и философы превращали в столицу духа любое захолустье, будь то Веймар

И. Гёте или еще меньший Кенигсберг И. Канта, Таити П. Гогена или Болдино А. Пушкина и Ясная Поляна Л. Толстого, Вильно В. Комиссаржевской или Пенаты И. Репина.

К концу XIX в., когда понятие о русском интеллигенте обретает законченные очертания, особенно остро воспринимается вопрос о соотношении *интеллигентности* и *провинциальности*. Интеллигент-провинциал ощущает в себе и не приемлет в других «небывалого» и «притом типичного в своей житейской захудалости, в своих нервах» человека, каким его увидел В. Розанов в Ф. Достоевском. Этот интеллигент стыдится своих провинциальных, причем не барственно-усадебных, но мещански-городских корней, стыдится города, который «грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен» (А. Чехов). Спокойствие, успокоенность в понимании провинциала как обывателя, провинциала как неинтеллигентного человека становятся условием отрешения его от мировых проблем и мирового движения.

В провинции *интеллектуал почти всегда маргинал*. Столичная среда для него могла бы быть благоприятна в силу большей плотности культурных связей, наличию иной инфраструктуры; в провинции же радикальные и достаточно масштабные идеи и поступки оказываются либо не востребуемыми, либо не оцененными. Для человека, ощущающего себя провинциалом (чуть ли не изгоем), привычным становится мотив избранничества и обделенности жизнью в одно и то же время. Для него характерны чувство вины, скука, одиночество, разочарованность и утомляемость, переходящие в чрезмерную возбудимость. Соединяя все эти мучительные чувства и ощущения, русский провинциал имеет способность испытывать «такое необычное в Европе чувство одиночества» (Ф. Кафка). Интеллигент, одинокий в России, как одинок вообще житель провинции, тоскует о несбывшемся, являет комплекс неполноценности. Отсюда следует вывод, связанный с рассуждением В. Соловьева о грамматическом смысле слова *русские*; к прилагательному философ предлагал добавить существительное *европеец*. По аналогии к существительному *провинция* неотъемлемо присоединяется прилагательное *русская*.

Особый нравственно-психологический смысл имеют судьбы *творцов, так или иначе связанных с русской провинцией*. Творец конца XIX в., живя в провинции, мог быть носителем высшей духовности, эталоном интеллигентности, пассионарием: это и великие гастролеры, которых вряд ли можно было счесть провинциалами — В. Комиссаржевская или Ф. Шаляпин, и стремившиеся в нежный покой провинции столичные жители (писатели, художники, благодаря которым нарицательное значение приобрели Ясная Поляна, Мелихово, Пенаты, Абрамцево и т. п.). В XIX в. Творец был иным по отношению даже к интеллигенции как таковой (свободнее, ярче, даже нелепее). В конце XX в. судьба творца в провинции стала судьбой интеллигенции в целом: оперируя опытом чеховских провинциалов, здесь мы усматриваем жертвенность Дымова, замороченность Медведенки, рутинерство Ионыча или Беликова, страх нелюбви Аркадиной. Следовательно, творец конца XX в. в провинции, пользуясь актуальными аналогиями, — это не «директор кардиоцентра», распространяющий свою ауру на чужих и разных, но «сельский фельдшер», врачующий чем Бог послал близких и хорошо известных ему — либо безмерно, до собственного сумасшествия, ответственный, либо столь же безмерно равнодушный.

Творец в русской провинции конца XX в. воплотил в себе такие традиционные особенности русской интеллигенции, как рефлексия по поводу своего права на чье-либо внимание или материальную поддержку; несвершенность личности и нереализованность стремлений; высокомерие в сочетании с непризнанностью. По социально-

экономическому положению он приближается к люмпену, по психическим свойствам является невротиком, по темпераменту чаще всего — меланхоликом, по типологическим признакам — интровертом.

Едва ли не такой же роскошью, как мечты бедного провинциала — поездка в Америку или Африку, как обладание просторной усадьбой, как шампанское и устрицы, — было, по-видимому, для того же Чехова *творчество*.

Творчество в провинции — это и способ самореализации, и актуализация самосознания, имеющего свои константы и свои изменчивые черты.

По-видимому, для Чехова, как и для людей более позднего времени, все же творчество в его возвышенном, мировоззренческом понимании не было естественным способом существования. Это было выражением провинциального мировосприятия: быт и творчество разделены. Без комфортного рабочего места, без уютных Пенат или Ясной Поляны он привык к писанию-труду, писанию-работе, иногда тягостной, иногда радостной. В письмах упоминал хрипящую совесть, которая требовала трудиться, ссылался на необходимость успевать сочинять к определенным срокам, например, чтобы сдать в пасхальный номер журнала. Не лицемерил, но скромничал, называя «царапаньем плохонького рассказца» сочинение «Спать хочется», сетовал на необходимость работы «ради денег».

Привыкнув измерять написанное строчками газет и журналов, Чехов измерял его также и деньгами, соответствующими этим строчкам. Так, заканчивая длинное душевспасительное письмо брату, подсчитал: «Накатал я, однако! Рублей на 20! Более, впрочем <...>» [6, т. 1, с. 59]. Дописав «Степь», над которой — редкий случай — работал с нескрываемым удовольствием, «не спеша, как гастрономы едят дупелей: с чувством, с толком, с расстановкой», опять-таки позволил себе снисходительную иронию: «Вышло у меня, кажется, больше пяти листов <...>. Надо быть очень великим писателем, чтобы в один месяц заработать тысячу рублей <...>» [6, т. 2, с. 187].

Творчество и деньги неотъемлемы, но это не делает творчество одухотворенное, а деньги более приятными и «чистыми». В его рассказах и письмах о провинциальном, в том числе театральном быте подсчеты «художественных» доходов (Миров, ревивший, как белуга, получил за концерт «чистого дохода 150 рублей», а билет на «Отелло» с Ленским обошелся в 6 руб. 20 коп., хотя «игра не стоила и рубля» заставляют Чехова сравнивать себя со знаменитыми современниками, из которых он выбирает «Зола и Щедрина» (у них-то вряд ли «папиросы невозможные», а «лампа дымит и коптит <...>»). Точно так же он подсчитывает свои медицинские заработки: те, от которых отказался, как от пачечки ассигнаций, оставившей после великодушных препирательств в его руке след в виде 15 руб., или от 6 руб., что ему давали за лечение мальчика; или те, которые получал и которые — «рублевые, двух- и трехрублевые подачки» — так же мизерны, как нелепые его собственные «траты на извозчиков ради больных, не дающих ни гроша» [6, т. 3, с. 100].

Если чеховское начало как воплощение провинциальности русского самосознания можно рассматривать как своего рода модель, то судьбы и тексты провинциалов более поздней эпохи (через 100 лет после Чехова) в определенной мере с этой моделью соотносятся. Актуальные, прежде всего массовые представления о творце-провинциале находим и в художественных практиках, и социокультурной реальности; вот какими мы видим проявления самосознания уже не в философской, а в художественно-образной и социокультурной парадигмах.

Творец в русской провинции конца XX – начала XXI вв. воплотил в себе такие традиционные особенности русской интеллигенции, как рефлексия по поводу своего права на чье-либо внимание или материальную поддержку; несвершенность личности и нереализованность стремлений; высокомерие в сочетании с непризнанностью. По социально-экономическому положению он приближается к люмпену, по психическим свойствам является невротиком, по темпераменту чаще всего — меланхоликом, по типологическим признакам — интровертом.

Творец в недавние десятилетия был и ощущал себя маргиналом, что фиксировалось не столько на аналитическом (философском, социокультурном) уровне, сколько на уровне художественно-творческом (в широко распространившихся вербальных текстах, которые обычно претендовали на ценность литературных произведений, в активно разрастающихся местных СМИ, как печатных, так и электронных, а также в многочисленных художественно-публицистических *opus'ax*).

Сошлемся на опыт — судьбу и литературные произведения — ушедшего из жизни именно в этот период, провинциального (жившего под Ярославлем, в небольшом поселке Борисоглебском) поэта Константина Васильева. Кажется важным, если не важнейшим, в разговоре о творцах вообще и о Васильеве в частности мотив маргинальности, зафиксированный в двух аспектах, характеризующих специфику русского самосознания: во-первых — конец XX в., во-вторых — «поэтическая душа».

До недавнего времени провозглашалось, что поэтическая душа может быть только в провинции. Мол, за пределами провинции живут прагматики, которые знают, почем жизнь и как эту жизнь организовать.

Провинциал-маргинал-творец, автор текста писал в свои 27 лет, в начале 1980-х о трогательных и вполне стандартных провинциальных деталях:

Под соснами — матовый снег,
и мох малахитовый — мягок.
Грибов-то пока еще нет,
Зато изобилие ягод.

Поэту в момент смерти (от естественных причин) было 46 лет. Классика психологии утверждает, что на это время приходится «кризис среднего возраста». Он может начинаться чуть раньше, заканчиваться чуть позже; судя по всему, у Васильева, примерно в 30 лет он и начался. Не надо, писал он, «помнить о былой весне», но и «грустить не надо». По сути дела, у провинциального творца обозначается исчерпанность мировосприятия, неготовность поддерживать связи с миром.

У носителя своеобразного — провинциального — самосознания, поэта Васильева появились тексты с характерными названиями: «Маргиналии», затем «Заметки маргинала» с подзаголовком «конспект» или «Трактат о злобе». «Я рассматриваю ситуацию, делающую поэта “маргиналом поневоле”», — высказался поэт. Он действительно ощущал себя «вне», «над», «рядом», «под», но только не «внутри» той жизни, которая упоминалась им в молодости.

Попутно следует отметить интерес почитателя-переводчика, каким был Васильев по отношению к текстам и личностям французских поэтов-маргиналов. Понятный ход, обусловленный стремлением одного провинциала-маргинала найти союзников среди других. Раз союзников нет «рядом» и «сейчас», их надо искать в «давно» и в «далеко». К маргиналам же Васильев причислял великих русских поэтов — и Пушкина,

поскольку негр (заметим странность — почему не «арап»?), и Лермонтова, поскольку некрасив (заметим, это не существенное суждение), и Фета, маргинала в квадрате (чем обусловлена «квадратность», автор не пояснил). Любые маргиналы для провинциала-маргинала — это элита.

Наконец, провинциал, он же маргинал, присваивает себе право на злобу, что, казалось бы, и для нежного душой поэта, и для благодушного провинциала нехарактерно. Однако этот провинциал считает, что в мире и песни прервались, и свет посерел... Однофамилец поэта, замечательный русский художник, умерший еще более молодым, Федор Васильев, в серой гамме писал свои пейзажи. Как помним, у его современника, пейзажиста Левитана на мартовском, облезлом снегу — золотистые блики, а у Васильева — февральский, вполне еще чистый, казалось бы, снег, выглядит тоскливым и тяжелым, как могильный камень.

Художественный аспект русского самосознания в его провинциальном дискурсе обнаруживает, что поэтическая душа провинциала может страдать и, как это ни покажется неприятным, «злиться» потому, что она — поэтическая.

Наконец, необходимо отметить *специфику сформировавшегося в последние четверть века провинциального медиапространства как непосредственного воплощения русского самосознания.*

Тенденции, характерные для современных медиапрактик, подчеркивают границы и заостряют грани представлений о русском самосознании в его провинциальном дискурсе.

Наши длительные исследования показывают, что граница столичного и нестоличного медиапространств, во-первых, существует, во-вторых же, определяется следующим образом. *На общероссийском уровне* (по наблюдениям, сделанным над СМИ общероссийскими и региональными, в последние 10 лет, в зависимости от объема провинциального пространства и от специфики социально-экономических процессов в регионе, — в Ярославле, Самаре, Саратове, Омске, Новосибирске, Вологде, Санкт-Петербурге) контент составляют материалы, посвященные «достижениям народного хозяйства», включая ремонт дорог, выращивание огурцов и цыплят, изредка театральным премьерам и некрологам. Туда же добавляются материалы, посвященные происшествиям, то есть убийствам («белгородскому стрелку», «нижегородскому детоубийце»), коррупционным скандалам, ДТП, пожарам, наводнениям, обрушению сооружений. В действительности же региональная специфика отсутствует в общероссийском контенте. За исключением событий нерегионального модуса (спортивных, производственных) вообще нет провинциального «присутствия»: ни Северо-Запада, ни Северо-Востока, ни Сибири, ни Урала. Нет России с ее реалиями и самосознанием в медиапространстве нигде, кроме небольшого коридора просветительских либо рекламных программ.

Неоспоримо сегодня то, что медиапространство за границами столицы в его визуальном выражении существенно изменилось по сравнению с дороссийским (советским) периодом. Было время, когда на местных телевизионных каналах эфирных ведущих одевали в национальные рубашки, блузки, добавляли «региональные» аксессуары. Сейчас приходится констатировать отсутствие собственного лица у региональных СМИ. И это — несмотря на то, что стал проводиться отдельный конкурс телевизионных программ, ТЭФИ-регион; впрочем, полагаем, что даже сам факт проведения такого конкурса, соседствующего с «основным» конкурсом ТЭФИ, носит характер скорее дискриминационный, чем поддерживающий или развивающий. Обзор тенденций, наблю-

даемых в регионах, приводит к выводу: работа региональных СМИ, причем не только радио или ТВ, но и региональных страниц/вкладок печатных изданий («Комсомольская правда», «АиФ»), строится по принципам сетевых торговых комплексов средней руки (от «Магнита» до «Перекрестка»). Усредненность насаждаемых в массовом сознании представлений о русском самосознании низводит провинцию второго десятилетия XXI в. до уровня той самой «глубинки», которая упоминалась выше.

Применительно к субъекту формирования русского самосознания в сфере актуальных массовых представлений (системе СМИ) можно заметить, что откровенно идет уничтожение/уничтожение просветительских, образовательных программ, разделов (капля в море — программа-реплика, «Говорим по-русски», «Эхо Москвы», причем качество программы вполне усредненное). Регионалы имеют отговорку: «наш формат» — «не наш формат»; меняют «парадигму» под заказчика или вовсе настроение (от «протекающая крыша — это не наш формат» до сосулук и протечек отопительной системы как информационного мейнстрима).

В провинции пытаются экономить (причины этого с финансовой точки зрения объяснимы) — но и на провинции пытаются экономить (последствия этого с социально-нравственной точки зрения ясны и опасны). СМИ, работающие вне столиц, руководители региональных медиахолдингов и местные власти пытаются убедить себя и публику в том, что переход на web-ресурсы с печатного формата органичен и правилен (пример — старейшая в Ярославле газета «Северный край», исчезнувшая на время из печатного формата и не получившая собственной интернет-аудитории). В то же время в столице(-ах) печатные СМИ не только не исчезают, но даже пачками лежат на бесплатных стойках в сетевых кафе, в фирменных поездах (глянцевый журнал «СВ»); и это не только «желтые» издания или рекламно-информационные, посвященные возможностям досуга, но и, к примеру, многополосная «Российская газета».

Наконец, все более активно захватывающей провинциальную массовую аудиторию тенденцией развития медиaprостранства как своего рода сублимации русского самосознания стало обозначение границы между бытием массы и небытием личности. Имеем в виду принятую в виртуальном сегменте медиaprостранства обезличенность ников, «экзгибиционистский» характер блогов, неverifiedированность аудитории.

Не детализируя анализ современного провинциального медиaprостранства, ставшего прямым аналогом массового сознания, в границах современной России и современной российской провинции следует признать: это пространство негетогенно, хаотично, при этом тенденции стандартизации охватывают не только технологические уровни, связанные с качеством и технологиями передачи сигнала, но и прежде всего личностные аспекты деятельности субъектов, а в результате — массовое сознание.

Изучение традиции и актуальных трансформаций русского самосознания как провинциального самосознания приводит к выводу, который обязательно будет подтверждаться и последующими научными и практическими акциями. Мы полагаем, что русская провинция не только гибко впитывала влияния мировой культуры, но и в свою очередь несла той неповторимостью чувств, проблем и форм существования. Своего рода изоляция, которую не следует путать с самоизоляцией, и одновременно самодостаточность духовной жизни постепенно создают в русской провинции интерес не столько к дальнему, на которое привыкли ориентироваться по традиции, сколько к ближнему. Изредка, словно бы в качестве компенсации уничтожительных интенций, жители и наблюдатели отмечают (но это делают не философы, но литераторы), хотя не подчеркивают специально, самодостаточность духовного мира русской провинции в сочетании

с нежеланием замкнуться в уютной оболочке определяют один из важных ракурсов понимания смысла культурного феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990. 348 с.
- 2 Розанов В. В. Ломоносов // Опыты: литературно-философский ежегодник. М.: Сов. писатель, 1990. 479 с.
- 3 Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822[2] с.
- 4 Сологуб В. А. Симбирский театр // Русский театральный фельетон. М.: Искусство, 1991. 512 с.
- 5 Франк С. Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. М.: Книга, 1990. 528 с.
- 6 Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма в 12 т. М.: Наука, 1974–1983. Т. 1: Письма: 1875–1886. 1974. 583 с. Т. 2: Письма: 1887 — сентябрь 1885. 1975. 583 с. Т. 3: Письма: октябрь 1888 — декабрь 1889. 1976. 574 с. Т. 5: Письма: март 1892–1894. 1977. 678 с.

© 2019. Tatiana S. Zlotnikova
Yaroslavl, Russia

ON PROVINCIALITY OF RUSSIAN SELF-CONSCIOUSNESS: PHILOSOPHICAL TRADITION AND ACTUAL MASS PERCEPTIONS

Acknowledgements: the article is prepared under scientific project of the National Research Center “World of the Russian province” (K. D. Ushinsky YSPU, № 125, 24.05.2017).

Abstract: Russian philosophical and closely related artistic tradition have generated a paradox: provincialism of Russian self-consciousness. Which is quite explicable if one proceeds from the idea of N. Berdyaev that “provincialism is another metaphysics of life”. The space of Russian culture acts as an area of distribution of provincial culture, which does not coincide with geographical, administrative borders, as well as the boundaries of the compact settlement of Russians. The paper is to justify the concept “chronotope of the Russian province”. The provinciality of the Russian self-consciousness was implicitly interpreted in philosophical tradition as a property deserving leniency. V. Solovyov welcomed the “weakness of national egoism” as a promise of the great future, while V. Rozanov reacted sharply to the “wild and nowhere precedent” neglect of their own potential and fawning over foreign, and not the best, examples. The Russian intelligentsia of the turn of the 20th century opposed the “Asian” with the “European” principle (A. Chekhov) demanding observance of the sense of national pride (S. Frank). More recent psychological perceptions come to correlate with traditional philosophical ideas: about the provincial as a marginal, introvert, melancholic or choleric. To characterize the modern creator and the media space as a subject of mass representations, it should be noted that this space is non-homogeneous, chaotic, with trends of standardization covering, first of all, personal aspects of the activities of subjects, and as a result — the mass consciousness.

Keywords: Russian self-consciousness, province, provinciality, philosophical tradition, actual perceptions, Russian culture, creative person, marginality, media space.

Information about author: Tatiana S. Zlotnikova — DSc in Arts, The K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Respublikanskaya St. 108/1150000 Yaroslavl, Russia. E-mail: cij_yar@mail.ru

Received: January 27, 2019

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Zlotnikova T. S. On provinciality of Russian self-consciousness: Philosophical tradition and actual mass perceptions. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 114–126. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Berdiaev N. A. *Sud'ba Rossii* [Fate of Russia]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 348 p. (In Russian)
- 2 Rozanov V. V. Lomonosov. *Opyty: literaturno-filosofskii ezhegodnik* [Experiences: literary and philosophical Yearbook]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 479 p. (In Russian)
- 3 Solov'ev V. S. *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniia* [Philosophical principles of integral knowledge]. *Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.] Moscow, Mysl' Publ., 1988. Vol. 2. 822[2] p. (In Russian)
- 4 Sologub V. A. Simbirskii teatr [Simbirsk theatre]. *Russkii teatral'nyi fel'eton* [Russian theatre feuilleton]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 512 p. (In Russian)
- 5 Frank S. L. Pushkin ob otnosheniakh mezhdu Rossiei i Evropoi [Pushkin on relations between Russia and Europe]. *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike* [Pushkin in Russian philosophical criticism]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 528 p. (In Russian)
- 6 Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. Vol. 1: Pis'ma: 1875–1886 [Letters: 1975–1886]. 1974. 583 p. Vol. 2: Pis'ma: 1887 — sentiabr' 1885 [Letters: 1887 — September 1885]. 1975. 583 p. Vol. 3: Pis'ma: oktiabr' 1888 — dekabr' 1889 [Letters: October 1888 — December 1889]. 1976. 574 p. Vol. 5: Pis'ma: mart 1892–1894 [Letters: March 1892–1894]. 1977. 678 s. (In Russian)